

Неизвестный автор

**Сборник Императорского русского
исторического общества**

Том 17

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н45

Н45 **Неизвестный автор**
Сборник Императорского русского исторического общества: Том 17 / Неизвестный автор – М.: Книга по Требованию, 2020. – 502 с.

ISBN 978-5-4241-3854-6

Переписка Императрицы Екатерины II с Фальконетом.

ISBN 978-5-4241-3854-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2020
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2020

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Намѣреніе воздвигнуть памятникъ Петру Великому, изъявлено было впервые Императрицею Елисаветою Петровною, въ самомъ началѣ ея царствованія. Обращаясь къ воспоминанію о досто-
славномъ своемъ родителѣ во всѣхъ важнѣйшихъ своихъ мѣро-
пріятіяхъ, Императрица, въ сооруженіи ему монумента, могла безъ
сомнѣнія видѣть не только выраженіе дочеринскаго почитанія,
но также и дань народной признательности къ исполинскимъ
трудамъ неутомимаго преобразователя. 22 іюля 1743 года Импе-
ратрица указала «архитектору и скульптору графу Дерастрелію
«по апробованнымъ отъ Ея Императорскаго Величества моделямъ
«Государя Императора Петра Великаго два портрета мѣдные
«сдѣлать», но 18 ноября 1744 года графъ де-Растрелли умеръ и
порученное ему дѣло возложено на служившаго при немъ по-
мощникомъ, италіянца, штукарнаго дѣла мастера Мартелія,
который сказкою въ Канцеляріи строеній о себѣ показалъ, что
«имѣетъ искусство дѣлать отличныя изъ серебра и мѣди портреты
«и прочія мастерства знаетъ». По винѣ ли штукарнаго дѣла
мастера, потому ли что иныя хлопоты занимали лицъ, которыя
могли бы содѣйствовать успѣху порученнаго имъ дѣла, но со-
оруженіе памятника подвигалось медленно; въ концѣ 1753 года
Мартелій требовалъ для выливанія: мѣдныхъ склявъ, кракштей-
новъ, барлевыхъ и прочихъ украшеніевъ; въ концѣ 1761 года
онъ доносилъ, что конный портретъ имъ отлить, но что сарай

въ которомъ статуя поставлена грозитъ разрушеніемъ отъ ветхости и просилъ 400 рублей на починку этого сарая.

Донесеніе объ этомъ попало не во время, Императрица Елисавета скончалась 25 декабря 1761 года; въ зимнемъ дворцѣ поклоненіе памяти Петра I уступило мѣсто благоговѣнію предъ Фридрихомъ II, объ искусствѣ не могло быть рѣчи, среди шумныхъ и дымныхъ военныхъ празднествъ; при дворѣ говорилось лишь о новыхъ мундирахъ, о приготовленіяхъ къ походу противъ Даніи на защиту Голштинскаго герцогства и т. п., но 30 іюня 1762 года вступила на престолъ Императрица Екатерина II и все касавшееся Русской народной славы возымѣло мудрую и мощную покровительницу.

Правительствующій Сенатъ, въ то самое время какъ въ немъ производился процессъ о государственномъ преступленіи Мировича, нашелъ возможность рассмотреть скромное ходатайство Мартелія; деньги нужныя для починки анбара были отпущены, относительно же дальнѣйшихъ издержекъ на выдѣлку пьедестала и вообще относительно окончанія цѣлаго памятника заключено было: какъ въ Сенатѣ неизвѣстно, означенная статуя Ея Императорскимъ Величествомъ апробована ли и такова ли чтобъ угодно было Ея Императорскому Величеству повелѣть, по проекту Мартелія оную совсѣмъ окончать, того ради господину генералу поручику Бецкому о семъ разсмотря доложить Ея Императорскому Величеству и какая на то послѣдуетъ Высочайшая резолюція о томъ въ Сенатѣ представить.

Во исполненіе такого указа, Бецкій 17 октября 1764 года донесъ Сенату, что упомянутый портретъ Ея Императорское Величество апробовать не соизволила *), въ разсужденіи что сдѣланъ не такимъ искусствомъ, каково бы должно представить толь великаго монарха и служить ко украшенію столичнаго города С.-Петербурга, для чего Ея Императорское Величество Высочайше повелѣть ему Бецкому соизволила, собрать о лучшемъ сдѣланіи и изображеніи разные прожектъ со мнѣніями.

*) Отлитая Мартеліемъ статуя была при Императорѣ Павлѣ поставлена на площади предъ Инженернымъ замкомъ, гдѣ находится и донинѣ.

Какъ ни коротки эти чисто официальные выраженія служебнаго донесенія, однако въ нихъ уже слышится и тонкое художественное чутье и твердая не легко смущающаяся воля Государыни. Не смотря на бѣдность окружающей ее съ дѣтства артистической обстановки, ее не удовлетворяетъ трудъ штукарнаго мастера, она не поддается соблазну торопливо воспользоваться тѣмъ что уже готово, она предпочитаетъ искать чего то что ей еще неизвѣстно, она не страшится трудностей, которыми изобиловало начало ея царствованія и которыя на поприщѣ искусства были чуть ли не многочисленнѣе чѣмъ на всякомъ другомъ.

Дѣйствительно въ Россіи искусство было еще въ крайнемъ младенчествѣ. Великій двигатель отечественнаго просвѣщенія безсмертный Петръ не оставилъ безъ вниманія и художественное образованіе своего народа. Онъ выписалъ иностранныхъ художниковъ, явились живописцы: Данауеръ, Баварецъ учившійся въ Венеціи и Голландіи, оставившій нѣсколько портретовъ Императора, Императрицы, Великихъ Князей, портретовъ, о которыхъ съ похвалою отзывается Беркгольцъ, видѣвшій ихъ въ мастерской художника; Кселль, Швейцарецъ особенно искусный въ изображеніи мертвой природы, приглашенный Петромъ въ 1717 г. въ Амстердамъ и остававшійся въ Россіи до смерти своей въ 1745; Тарсія, Венеціанецъ, съ большимъ талантомъ росписывавшій плафоны вновь воздвигавшихся въ Петербургѣ дворцовъ; Каравакъ, гасконецъ выписанный въ качествѣ миниатюриста, но впослѣдствіи при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ прославившійся потолкомъ большой залы зимняго дворца и портретомъ Бирона. Кромѣ этихъ живописцевъ до насъ дошли еще имена и другихъ художниковъ, какъ напримѣръ: граверовъ Шхонебека и Пикара, ваятелей графа Растрелли и Оснера; архитекторовъ: Кирштейна, начавшаго постройку Петропавловской крѣпости, Гана и Швертфегера, строившихъ Александро-Невскую Лавру; Шлюттера, строителя лѣтняго дворца, на мѣстѣ коего возвышается теперь Инженерный замокъ; Тресино, завѣдывавшаго устройствомъ Васильевскаго острова; Матернони, Гребеля, Ерда, Гастана, трудившихся надъ зданіями Академіи Наукъ; Ферстера и Брун-

штейна, первыхъ зодчихъ Царскаго Села; Леблонда, разбившаго Петергофскій садъ и заложившаго тамошній дворецъ; Микети, работавшаго въ Стрѣльнѣ; Лена, въ Кронштадтѣ. Подъ руководствомъ этихъ художниковъ, благодаря учрежденной при с.-петербургской типографіи школѣ рисованія, подъ вліяніемъ видѣннаго въ заграничныхъ путешествіяхъ, стали образовываться русскіе ученики. Живописцы: Матвѣевъ, Никитинъ, Василевскій, Меркурьевъ, Захарестъ; граверы: братья Зубовы и Бунинъ; архитекторы: Земковъ и Еропкинъ начинали радовать Петра успѣшностью своихъ трудовъ, когда смерть Государя внезапно лишила ихъ покровителя и остановила успѣхъ большинства его предпріятій.

Въ послѣдующіе за тѣмъ тридцать слишкомъ лѣтъ, до плодотворныхъ стараній незабвеннаго на поприщѣ отечественнаго просвѣщенія И. И. Шувалова, въ Петербургѣ не переводились иноземные артисты, но появленіе ихъ большею частью имѣло цѣлью осуществленіе какой либо опредѣленной задачи, безъ всякаго отношенія къ дѣлу развитія въ Россіи художественнаго образованія. При Петрѣ I встрѣчаемъ имя Брауншвейгскаго уроженца Люттена, при Аннѣ Іоанновнѣ Гамбургскаго уроженца Франкарда, пріѣхавшаго съ трупною италіанскихъ актеровъ, Болонезца Бона, а также гравера Иссенца Вортмана, о которомъ слѣдуетъ упомянуть что подъ его руководствомъ занимались нѣсколько русскихъ учениковъ исполнявшихъ заказы Академіи Наукъ.

При Елисаветѣ Петровнѣ, Христофоръ Гротъ былъ придворнымъ портретистомъ; не удовлетворяясь его произведеніями Императрица выписала пользовавшагося извѣстностью француза Токе, тоже написавшаго прекрасный портретъ Государыни; впослѣдствіи въ 1757 г. былъ выписанъ изъ Дрездена Ротари, котораго многочисленные портреты дошли до насъ. Въ это же время были болѣе или менѣе извѣстны какъ живописцы: Фридрихъ Гротъ, писавшій преимущественно звѣрей и наполнившій своими произведеніями цѣлую залу Царскосельскаго дворца; Гриммель, который занимался писаніемъ образовъ; Валеріани и Перезинотти, расписывавшіе на потолкахъ царскосельскаго

дворца аллегоріи, сочиненныя Штелинымъ; Градици и Ле-принсъ, которые украшали отдѣлявавшійся въ то время Зимній дворецъ, послѣдній много путешествовалъ по Россіи и оставилъ весьма любопытные рисунки русскихъ типовъ; Девели, выписанный въ 1754 г. изъ Англіи, росписалъ плафонъ китайской гостиной въ Царскомъ Селѣ; Самсон, который писалъ миніатюры для жалованныхъ Государынею табакерокъ. Въ числѣ граверовъ упоминается имя Штенглина; изъ архитекторовъ прославился графъ Растрелли младшій, хотя впрочемъ большинство его построекъ относится къ Екатерининскому царствованію; послѣ графа Растрелли упоминаются имена Вюста и Риналди.

Въ 1757 году Иванъ Ивановичъ Шуваловъ вошелъ въ Правительствующій Сенатъ съ представленіемъ о томъ, что «необходимо установить академію художествъ, которой плоды, когда «приведутся въ состояніе не только будутъ славою здѣшней «Имперіи, но и великою пользою казеннымъ и партикулярнымъ «работамъ, за которыя иностранные носредственнаго знанія, «получая великія деньги обогатясь возвращаются не оставя по «сіе время ни одного русскаго ни въ какомъ художествѣ «который бы умѣлъ что дѣлать». Академію Шуваловъ полагалъ учредить въ Петербургѣ, «по причинѣ что лучшіе мастера не «хотятъ въ Москву ѣхать, какъ въ надеждѣ имѣть отъ двора «работы, такъ и для лучшаго довольствія иностранныхъ здѣшней жизни». Согласно этому представленію Ив. Ив. Шувалова Сенатъ опредѣлилъ: Академію художествъ здѣсь въ С.-Петербургѣ учредить, съ назначеніемъ 6000 р. ежегоднаго содержанія.

Вслѣдствіе просьбы Ив. Ив. Шувалова, Парижская академія живописи и скульптуры выслала въ Петербургъ двухъ своихъ членовъ: живописца Лорена и скульптора Жиле, изъ Берлина былъ выписанъ граверъ Шмидтъ, Лоренъ вскорѣ умеръ и замѣненъ сначала Девели, а потомъ Лагрене. Не доставало профессора архитектуры и съ этою цѣлію вызвали Валуа. Изъ русскихъ питомцевъ только что созданной академіи, не замедлили обратить на себя вниманіе граверъ Чемезовъ, архитекторы Кокориновъ и Важенковъ, живописецъ Лосенковъ; двое послѣднихъ были отправлены за границу для усовершенствованія.

Горячо принимая къ сердцу судьбы, обязаннаго ему существованіемъ учрежденія, Шуваловъ пожертвовалъ на пользу его свою картинную галлерею, часто посѣщалъ академію, но кажется не всегда оставался доволенъ тѣмъ что видѣлъ, такъ напр. прїѣхавъ 30 мая 1762 г. въ 4 часа по полудни онъ не засталъ еще въ академіи и третьей части учениковъ, при чемъ караульный офицеръ объяснилъ ему, что виною тому учителя, которые очень поздно приходятъ. Не смотря на неизбѣжныя, частныя неустройства, дѣло благодаря попеченіямъ Шувалова подвигалось, число учителей и учениковъ множилось; въ началѣ 1763 г. Шуваловъ представилъ Императрицѣ Екатеринѣ II проектъ регламента для академіи, но вслѣдъ за тѣмъ подъ вліяніемъ нерасположенія новыхъ людей къ представителямъ прошедшаго царствованія, Шуваловъ уѣхалъ за границу и Высочайшимъ указомъ 3 марта 1763 года, управление Академіею ввѣрено генералъ поручику Ивану Ивановичу Бецкому.

Родившись въ Швеціи, проведя молодость въ путешествіяхъ и дипломатической службѣ, бывъ знакомъ съ семействомъ Императрицы Екатерины II прежде прибытія ея въ Россію, находясь по сестрѣ своей въ свойствѣ съ Гольштинскимъ домомъ, не принадлежа къ числу родовитыхъ русскихъ враговъ всего чужеземнаго, Бецкій съ самаго начала вступленія Императрицы на престолъ могъ сдѣлаться и дѣйствительно сдѣлался приближеннымъ, почти домашнимъ человѣкомъ при дворѣ. Выдѣляясь изъ рядовъ молодыхъ отважныхъ бойцовъ, кипѣвшихъ жаждою славолюбивой дѣятельности, степенный, шестидесятилѣтній Бецкій, всегда готовый прочесть письмо, только что полученное отъ Гримма или г-жи Жоффренъ, готовый безмолвно выслушать, безпрекословно исполнить, олицетворялъ своимъ обществомъ то временное успокоеніе, въ которомъ нуждаются самые неутомимые труженики. Разговоръ о погодѣ, невинная сплетня, журнальная ошибка, безобидная шутка, все это можетъ занимать не однихъ темныхъ людей, а раздѣлить подобное занятіе съ человѣкомъ вполне благовоспитаннымъ, умѣющимъ цѣнить довѣріе, не ищущимъ случая вернуть намѣкъ или сарказмъ, составляетъ удо-

вольствіе, которымъ сильные міра не могутъ не дорожить болѣе другихъ.

При Петрѣ III Бецкій былъ назначенъ главнымъ директоромъ Канцеляріи строеній; когда стало приближаться время вступленія на престолъ Императрицы Екатерины, то осторожный генералъ-поручикъ, по выраженію французскаго повѣреннаго въ дѣлахъ Беранже, участвовалъ въ переворотѣ только пожеланіями успѣха, но за то вслѣдъ за тѣмъ, по словамъ того же очевидца, не покидалъ пріемной комнаты Государыни. На четвертый день послѣ воцаренія произошла та комическая сцена, рассказываемая княгинею Дашковою, когда Бецкій на колѣняхъ умолялъ Императрицу признать въ немъ единственнаго виновника ея воцаренія, и Императрица, чтобы доказать что была обязана ему короною, поручила Бецкому заказать корону для коронаціи. Такими шутками однако не всегда можно было отдѣлываться отъ честолюбивыхъ притязаній Александровскаго кавалера; Екатерина чувствовала это, но чувствовала также и то, что дѣла государственныя были не по плечу ея невозмутимо-пріятному собесѣднику. Одинъ тревожный пламень горячей любви къ отечеству успѣшно освѣщаетъ путь трудящихся на пользу судебъ его. Такіе двигатели своей родины привлекаютъ потомство, одушевляють своихъ сотрудниковъ, творять вокругъ себя любовь и ненависть, но никогда не обладаютъ тѣми успокоительными качествами, которыя отличали Дѣйствительнаго Камергера Бецкаго. Въ небольшомъ ея хозяйствѣ, какъ выражалась впослѣдствіи Императрица разговаривая однажды съ Сегюромъ о государственномъ управленіи, въ небольшомъ хозяйствѣ этомъ, могли найти примѣненіе самыя разнородныя способности. Въвѣря политику Панину, арміи Румянцеву-Задунайскому, Суворову-Рымникскому, Потемкинну-Таврическому, корабли Орлову-Чесменскому, финансы князю Вяземскому, правосудіе Сенату, Екатерина II удѣлила Бецкому призрѣніе несчастныхъ дѣтей съ судьбою коихъ его связывало собственное его рожденіе, она поручила ему свои сады, дворцы, гдѣ съ каждымъ днемъ ширилась доля искусства и наконецъ ввѣрила храмъ художества — академію.

Исполняя порученіе Императрицы о пріисканіи художника

способнаго создать памятникъ достойный славы Великаго Петра, президентъ Академіи вошелъ чрезъ князя Дмитрія Алексѣевича Голицына въ сношеніе съ парижскими художниками. Мысль о сооруженіи памятника, только не Петру I, а самой Екатеринѣ II уже подвергалась изученію со стороны Бецкаго. Въ самые первые дни новаго царствованія Сенатъ возымѣлъ мысль воздвигнуть памятникъ Императрицѣ; призванный въ присутствіе Сената 21 августа 1762 г. Бецкій представлялъ тогда свои соображенія *), но, вѣроятно согласно волѣ Государыни, не было даже дано хода этому дѣлу, точно также какъ въ 1766 г., когда о томъ ходатайствовали собравшіеся въ Москвѣ депутаты Коммисіи для составленія Уложенія. Принимаясь теперь за памятникъ Петру I и исполняя въ этомъ случаѣ и волю Государыни и въ извѣстной степени служебныя свои обязанности, Бецкій, чрезъ посредство Русскаго посланника въ Парижѣ, обратился къ французскимъ художникамъ и любителямъ художествъ и по полученіи отъ нихъ отвѣтовъ представилъ Сенату о сущности этой переписки или скорѣе о сущности выработавшагося въ немъ по этому предмету взгляда.

Посвящая значительную часть своей записки **) изученію вопроса: какое пространство и форму должна будетъ имѣть площадь, на которой поставленъ будетъ памятникъ, Бецкій въ заключеніи своемъ такъ перечисляетъ главные стороны предстоявшей ваятелю задачи: 1) что Россія есть наиболѣе обширное въ свѣтѣ государство, 2) что Петръ I болѣе другихъ государей трудился на пользу своего народа, 3) главнѣйшія выигранныя имъ сраженія, 4) мудрость его какъ законодателя, 5) любознательность подвигшую его къ заграничнымъ путешествіямъ и изученію ремеслъ съ удаленіемъ на время отъ престола, 6) что памятникъ, воздвигнутъ Государынею слѣдующею по стопамъ его, 7) что загробная похвала чужда лести и что слѣдовательно посмертныя памятники составляютъ неподкупную награду монар-

*) См. приложение I.

**) Записка эта кажется во многомъ заимствована изъ записки нѣкоего Блиштейна, хранящейся въ Государственномъ Архивѣ и помѣщаемой въ приложеніи II.

ховъ *). Конечно все это и многое близкое къ этому могло быть высказано и не президентомъ Академіи художествъ, но безъ сомнѣнія слова его были приняты съ великимъ уваженіемъ въ стѣнахъ Сената, гдѣ слово художество раздавалось чуть ли не въ первые.

Оставалось приискать художника способнаго достойно исполнить великую задачу; этотъ трудъ едва ли можно было поручить удачнѣе кому либо другому какъ нашему посланнику въ Парижѣ князю Д. А. Голицыну. Проживая въ Парижѣ уже двѣнадцать лѣтъ, съ двадцатилѣтняго своего возраста, холостой, веселый по характеру, князь жилъ почти на товарищеской ногѣ съ литераторами и художниками, предводительствовавшими духовнымъ движеніемъ Франціи; отыскать исполнителя желанія Императрицы было для него легче чѣмъ для всякаго инаго Русскаго. Къ тому же расположеніе Екатерины II покровительствовать наукѣ, искусству уже было извѣстно въ Парижѣ. Тамъ знали что Государыня состояла въ перепискѣ съ Вольтеромъ, съ Гримомъ, съ г-жею Жоффренъ, что она предлагала Даламберу быть воспитателемъ Великаго Князя, что она незадолго предъ тѣмъ, въ мартѣ 1765 г., купила у Дидерота его библіотеку, предоставивъ владѣльцу пользоваться ею пожизненно; нѣкоторые французскіе художники уже трудились для Русской царицы, напр. академикъ Васе сдѣлалъ по ея заказу проектъ тронной залы. Все это и въ особенности дружба князя Голицына съ Дидеротомъ облегчали порученный ему выборъ и выборъ этотъ вскорѣ палъ на Фальконета. Дидеротъ уже въ 1765 году **) увѣдомлялъ Бецкаго о согласіи Фальконета принять на себя предложенный ему трудъ, а 31 августа 1766 г. князь Голицынъ писалъ Н. И. Панину ***): «я долженъ отдать справедливость маркизу Мариньи и герцогу Шуазель, которые сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее, чтобы «облегчить мнѣ достиженіе моей цѣли. Я не долженъ умолчать «о чертѣ безкорыстія Г. Фальконета. Ваше Превосходительство

*) См. приложение III.

**) См. приложение IV.

***) См. приложение V.

«могли видѣть по запискамъ другихъ художниковъ, сообщеннымъ мною Г. Бецкому, что самое скромное требованіе простиралось до 450 тысячъ ливровъ. Согласно съ этимъ я счелъ себя въ правѣ предложить 300 тысячъ, но Г. Фальконетъ самъ нашелъ такую цифру вознагражденія преувеличенною, и что я ни дѣлалъ, я не могъ уговорить его назначить болѣе 200 тысячъ. Путевыя и всѣ остальные издержки точно также гораздо ниже того что запрашивали другіе художники. Считаю лишнимъ настаивать на подобной чертѣ безкорыстія, зная въ какой мѣрѣ добродѣтель и честность Вами цѣнятся, я увѣренъ что безкорыстіе Фальконета не оставитъ его въ накладѣ.»

Контрактомъ заключеннымъ при этомъ было договорено слѣдующее: Фальконетъ обязывается отправиться въ Россію въ теченіе Сентября 1766 г. съ тремя мастерскими, изъ числа ихъ два скульптора съ жалованіемъ 6 и 5 тысячъ, одинъ литейщикъ съ жалованіемъ 4 тысячъ ливровъ. На путешествіе имъ выдавалось 12 тысячъ ливровъ и карета; та же сумма назначалась на обратное путешествіе во Францію. Начатыя Фальконетомъ статуи, а также вещи его перевозятся на счетъ Русскаго правительства. Фальконету предоставляется квартира чистая и удобная по близости отъ мастерской, карета для повседнежнаго употребленія, скромный и здоровый столъ, съ правомъ приглашать одного или двухъ знакомыхъ, вообще онъ освобождается отъ всякихъ хлопотъ по своему домашнему хозяйству, которое онъ не въ состояніи на себя принять и которое лишь затруднило бы его. Приказанія Фальконетъ долженъ получать, только отъ Государыни, непосредственно, или чрезъ Министра. Вознагражденіе назначается ежегодно двадцать пять тысячъ франковъ въ теченіе восьми лѣтъ; если работа продлится менѣе шести лѣтъ то всетаки будетъ выплачено сполна 200 т. франковъ; если бы по болѣзни или другимъ непредвидѣннымъ случайностямъ работа затянулась далѣе восьмилѣтняго срока, то Фальконетъ предоставляет рѣшеніе участи своей великодушію Ея Величества, сохраняя за собою лишь право продолжать жить на казенной квартирѣ.

Распоряженія князя Голицына удостоились одобренія; 15 сентября 1766 г., Бецкій донесъ Сенату что контрактъ заключенный